

Ипполитов Г.М. Антон Иванович Деникин: полководец и политик.

Историография проблемы и характеристика источников ее исследования:

в 2 т. Т.1. Методология исследования. Советская историография проблемы. Самара: ПГУТИ, 2012. 294 с.

Т.2. Современная отечественная и зарубежная историография проблемы. Характеристика источников. Самара: ПГУТИ, 2012. 291 с.

Архангельский ученый Владислав Иванович Голдин – один из крупных современных отечественных историографов российской Гражданской войны – заметил в своей неординарной монографии, что право на историографические исследования получает, прежде всего, тот исследователь, который «уже опубликовал работы общеисторического характера»¹. Позиция, быть может, и несколько категоричная, но в конечном итоге справедливая. Ведь историографический анализ – высший полет научно-исторической мысли. И то, что Георгий Михайлович Ипполитов выполнил историографическое исследование (в формате проблемно-тематической историографии) о личности и судьбе Антона Ивановича Деникина (1872-1947), выглядит логичным. Ведь ученый посвятил более двадцати лет своей научной деятельности исследованию исторической персоналии боевого русского генерала, яркой, трагической фигуры в истории Державы Российской². Стал по праву его биографом³. И выход в свет объемного (34 печатных листа) историографического двухтомника можно считать своего рода итогом многолетних личных кропотливых научных изысканий Г.М. Ипполитова.

Ученый вынес на суд научного сообщества труд, в котором размышляет о том, кто, как и в каких условиях освещал историческую персоналию А.И. Деникина в отечественной и зарубежной исторической науке. Хронологические рамки анализируемых автором историографических и исторических источников ограничены периодом революции и Гражданской войны в России, а также временем существования белой эмиграции (1917 г. – до окончания Второй мировой войны). Хронологические рамки самой монографии охватывают период с 1918 г. до 2012 г. Столь большой временной интервал (более 90 лет) позволил Г.М. Ипполитову наиболее полно проследить развитие историографии проблемы. Причем актуальность рецензируемого историографического исследования обостряется одним серьезным обстоятельством: история истории изучения исторической персоналии генерала А.И. Деникина нуждается в комплексном историографическом исследовании. Это подтверждается, хотя и лапидарным, но, по суждению рецензента, довольно емким анализом степени на-

учной разработанности проблемы, представленной в рецензируемой монографии [1; 19-26]⁴.

Историографический анализ, полагает рецензент, получился в конечном итоге добротным, так как в монографии прослежено развитие логики и уровень разработки исследуемой проблемы в исторической науке, в том числе выявлены все важнейшие аспекты, основные тенденции, позитивные и негативные стороны в деятельности Антона Ивановича Деникина, а также определены перспективы дальнейшего исследования данной темы. И это еще подкреплено развернутой характеристикой источниковой базы исследования проблемы, указанной выше. И очень удачный исследовательский прием – размещение в монографии (на правах приложений) эгоисточников, связанных со встречами исследователя с дочерью генерала А.И. Деникина Мариной Грей и их личной переписки, которые ранее были уже введены в научный оборот на страницах ведущего рецензируемого научного журнала для ученых «Клио» (главный редактор С.Н. Полтораки), издаваемого в Санкт-Петербурге⁵. Подобное придает строгому научному исследованию своего рода душевную теплоту. А это немаловажно при изучении исторических персоналий.

Следует подчеркнуть то, что в рецензируемом историографическом исследовании перед читателями предстает авторское видение крупной научной проблемы. Причем Георгий Михайлович счел обязательным задекларировать в данной связи свою позицию о том, что, работая над монографией, он в полной мере осознавал морально-нравственную ответственность историка за результаты исследования. Старался помнить, что свобода научного творчества всегда должна гармонизировать с академической ответственностью ученого. И что представляется рецензенту важным: исследователь заявил, что не навязывает своих взглядов, в первую очередь аксиологических суждений, в качестве истин в последней инстанции. Хотя и готов их отстаивать на любом уровне в рамках научной дискуссии (но не полемики) [1; 10-11].

Это говорит о научной и гражданской зрелости ученого. Более того, задекларированная позиция, приведенная выше, представляется надежным дополнительным методологическим

ориентиром. Ведь, как доказал автор рецензируемой монографии путем текстологического анализа стенограммы вечернего заседания Государственной думы 14 июня 2006 г., обсуждавшей проект Федерального закона «О реабилитации участников Белого движения» (внес лидер фракции ЛДПР В. В. Жириновский), трактовка личности и деятельности Антона Ивановича Деникина представляет сегодня далеко не только сугубо академический интерес. Проблема размещена не только в пространстве для острых научных дискуссий. Она попала на поле политической битвы. Георгий Михайлович пишет: «Печально, но факт: имя Деникина является сегодня и предметом политических спекуляций. Некоторые политиканствующие не прочь потрепать эпизоды из жизни боевого русского генерала, кто с пафосом и молитвенным трепетом, экзальтированным придыханием, а кто в формате обвинительного заключения «белым изуверам», произнесенного языком, которому мог бы позавидовать печально известный сталинский кровавый прокурор В. Я. Вышинский, но с единственной целью – наскрести сиюминутные своеобразные политические дивиденды» [1; 16].

В подобной ситуации ученому пришлось уделить повышенное внимание выбору теоретико-методологического ключа историографического исследования. И можно ответственно заявить: ключ он выбрал такой, что уверенно открыл входную дверь, ведущую на верный путь в лабиринте историографических и исторических источников, который, подобно мифической нити Ариадны, вывел Г.М. Ипполитова на ясный научный историографический анализ рассматриваемой им исторической персоналии А.И. Деникина. Но для этого ему пришлось выделить отдельную, причем относительно объемную главу в монографии [1; 29-72]. Она построена на той исходной посылке, что, по мнению автора, с которым рецензент солидаризируется, кризис отечественной науки, кульминация которого пришлась на первую половину 1990-х годов, в основном преодолен. В методологии отечественной исторической науки утвердилось плюралистическое многоголосие. И это накладывает повышенную ответственность на ученого-историка, тем более когда он замыслил выполнение историографического исследования [1; 30-31]. Автор смог смоделировать целостную многоуровневую концепцию развития объекта и предмета исследования. Благодаря ей появилась возможность изучить генезис и эволюцию процесса формирования историографии проблемы в конкретно-исторической обусловленности; оценить степень разработанности отдельных историографических и исторических сюжетов и направлений, отобразить наиболее значимые для понима-

ния сущности темы с учетом современного уровня накопления знаний.

При этом основной акцент сделан на раскрытии того, как общеизвестные принципы исторического исследования (объективность, историзм и др.) приобретают специфику при применении их в историографических исследованиях. Например, именно для историографического исследования, по суждению Г.М. Ипполитова, при применении принципа историзма особую значимость приобретают следующие, вытекающие из его сути конкретные требования: рассмотрение событий и явлений на основе соблюдения временной последовательности, преемственности, смены периодов и этапов ее развития; анализ каждого историографического факта в процессе возникновения, становления и развития; исследование событий исторической науки в тесной связи с конкретными историческими условиями их появления. В целом принцип историзма «позволяет изучать развитие исторических знаний по рассматриваемой проблеме как в хронологическом плане, так и в диалектическом единстве. При этом следует помнить всегда то, что отношение к принципу историзма и его понимание были и остаются различными» [1; 47]. Думается, что вряд ли те, кто хотя бы раз выполняли историографические исследования (а рецензент – в их числе⁶), стали бы оспаривать теоретико-методологические суждения, сформулированные Г.М. Ипполитовым.

Но еще более оригинальными и значимыми представляются такие размышления исследователя о принципе партийности: его можно использовать сегодня преимущественно при оценке научного вклада тех ученых, которые факты истории рассматривали с позиций какой-либо партии. В советское время, например, ученым предписывалось, исходя из принципа партийности, руководствоваться одним из основных критериев историографической оценки исследований – их соответствию требованиям партийных и государственных документов. Выдвижение принципа партийности как главного в советской исторической науке вело к искаженному представлению о реальном процессе становления взаимоотношений в обществе. Между тем вряд ли правомочно следовать в русле наметившейся в начале 1990-х гг. тенденции в постсоветской историографии, суть которой – исключительно нигилистическое отношение к принципу партийности в методологии исторических и историографических исследований. «И хотя сегодня данная тенденция не получила большого распространения, считаю обязательным продекларировать свое отношение к ней: *она не научна*» [1; 52].

Ученый в конечном итоге, после вдумчивого анализа, синтезировал для себя главный вывод: теоретико-методологические основания монографии зиждутся на подходах, принципах и методах, продиктованных плюралистическим методологическим многоголосием, характерным для отечественной исторической науки в начале XXI века. Однако, подчеркнул Георгий Михайлович, он «не стремился к новомодным парадигмам, когда они лишь только декларируются через отточенную красивую научную фразу, но не претворяются в исследовании» [1; 53]. И такое заявление не только продекларировано, но еще и реализовано.

Большой пласт аналитического материала несут в себе главы, в которых освещена советская историография рассматриваемой проблемы [1; 93-221]. Но предварительно автор начал свой анализ с предыстории истории изучения жизни и деятельности А.И. Деникина в годы российской Гражданской войны (1918-1920 гг.) [1; 72-92]. Он посчитал, что эта предыстория состоялась. Но если вести речь об освещении именно исторической персоналии вождя Белого дела, то приходится констатировать, что это произошло только в «белой» историографии рассматриваемой проблемы. В «красной» же историографии, имеющей отношение к генералу, его образ обезличен и загнан в жесткую схему монстра – ярого врага советской власти, которого надо уничтожить. Все это разукрашено уничижительными метафорами и эпитетами. Здесь реалии психологической войны. Нет и научных разработок. «Было бы невероятным, если бы они в условиях, когда Люцифер правил свой бал на полях, превращенных в плацдармы, на которых россияне с сатанинской одержимостью стреляли друг в друга», подобные научные разработки все-таки появились. Хотя кое-какие элементы научного подхода можно усмотреть в «красной» историографии рассматриваемой проблемы, в работах, где освещаются военные аспекты борьбы с А.И. Деникиным. В целом проанализированную предысторию истории изучения исторической персоналии генерала А.И. Деникина не следует недооценивать. «Это уникальный историографический феномен, без понимания которого невозможно полно осветить объект и предмет исследования моей монографии», – отмечает автор рецензируемого историографического исследования [1; 92].

Относительно анализа советской историографии деникинщины (именно деникинщины, а не исторической персоналии генерала А.И. Деникина, что имело место, убедительно доказывает автор рецензируемой монографии, в советской исторической науке) заслуживают отдель-

но быть отмеченными следующие авторские обобщения:

1. Ряд работ о деникинщине, увидевших свет в 1920-е – первой половине 1930-х гг., несет в себе богатый материал. И ни одно серьезное научное исследование исторической персоналии генерала Деникина сегодня невозможно без освещения и критического анализа данного материала. Изучение деникинщины в измерениях сталинской теоретико-методологической парадигмы (вторая половина 1930-х – первая половина 1950-х гг.) не отличается высоким качеством аналитического материала и глубиной научных обобщений. Культ личности Сталина стал здесь серьезным деструктивным фактором. Сказанное выше, однако, не дает оснований для легковесной оценки историографических источников по анализируемой проблеме. В них имеется (наряду с фактографией) и некоторая фактология, и некоторая аналитика, без изучения которых вряд ли представляется возможным составить цельную научную картину по рассматриваемой теме [1;154-156].

2. История изучения деникинщины в период развития советской исторической науки в системе теоретико-методологических координат хрущевской оттепели (вторая половина 1950-х – первая половина 1960-х гг.) характеризуется качественным сдвигом в исследовании рассматриваемой проблемы. В период ресталинизации советской исторической науки здесь произошел серьезный откат (по сравнению с периодом хрущевской оттепели). Ученым, как и во времена культа личности Сталина, снова стали в директивном стиле диктовать, о чем, как и что писать (разумеется, в более мягких формах, что не меняло, однако, сущности и содержания). Засилье историко-партийной тематики резко сузило предмет исследований – разгром контрреволюции. Однако даже в условиях жесткого идеологического диктата появились работы, которые и сегодня не потеряли (разумеется, в определенной степени) своей актуальности. Например, труды В.Д. Поликарпова, Г.Э. Иоффе, Н.Г. Думовой, Л.М. Спирина и др. В них есть «рациональные зерна», извлечение которых может помочь современному исследователю в составлении более полной научной картины деникинщины.

3. Относительно истории изучения военной деятельности А.И. Деникина в армии царской России приходится констатировать, что подобная историография исключительно невелика. Все преподносится опосредованно, фрагментарно, обезличенно. Сюжеты и фрагменты относятся главным образом к периоду 1914-1917 гг. Разумеется, не обошлось без уничижительных ярлыков, навешанных на А.И. Деникина –

«махрового контрреволюционера». Если же вести речь о А.И. Деникине-белоэмигранте, то стоит заметить следующее: генерал-изгнанник превращался из фигуры умолчания в персону, о которой давали отрывочные политизированные сведения. Ясно, что из них невозможно составить полную научную картину его деятельности. Удивляться не стоит: правила игры, установленные идеологами ЦК КПСС для исследователей, соблюдались неукоснительно [1; 217-220].

Отдельная глава монографии посвящена анализу того, как в современной историографии (начиная со второй половины 1980-х годов) протекал процесс прощания с деникинщиной и обращались исследовательские взоры на генерала А.И. Деникина и как его в конечном итоге изучали уже в качестве исторической персоналии [2; 6-82].

Анализ истории изучения жизни и судьбы генерала Деникина в рамках первого историографического периода – перестроечной и постперестроечной историографии (примерно вторая половина 1980-х – примерно первая половина 1990-х) – позволил автору выявить основные историографические тенденции ее развития:

1. Рассматриваемая в монографии историческая персоналия была извлечена из исторического небытия, в которую ее поместили в советское время посредством заключения в рамки псевдонаучной категории «деникинщина». Ее исследование проходит путь от первых публицистических и научно-популярных опытов к очеркам, в которых освещается весь жизненный путь Антона Ивановича Деникина, от рождения до смерти.

2. Белое движение становится и объектом, и предметом исторических исследований. Поэтому основной акцент делается на изучении роли и места генерала А.И. Деникина как активного субъекта российской Гражданской войны. Между тем не очень подробно освещается его служба в армии царской России, деятельность генерала в 1917 году и в белой эмиграции.

3. Все работы выполнены на качественно новой источниковой базе, которая пополнилась уникальными рассекреченными архивными документами и материалами.

4. Отличительная черта – рассмотрение некоторых аспектов темы монографии на уровне диссертационных исследований, в том числе и докторских [2; 32].

Автор, анализируя постсоветскую историографию (примерно вторая половина 1990-х – 2000 гг.), исторической персоналии А.И. Деникина, пришел к выводу, что здесь налицо определенное приращение исторических знаний. По-прежнему доминируют работы, в которых раскрываются различные аспекты военной и

политической деятельности генерала А.И. Деникина в годы Гражданской войны на Юге России, главным образом в качестве единоличного военного диктатора в 1919 – апреле 1920 г. Однако стало больше уделяться внимания отдельным аспектам военной и политической деятельности генерала в 1918 году. Вышли в свет работы, в которых рассматривается жизнь Антона Ивановича от рождения до смерти (в них имеются некоторые сюжеты и фрагменты историко-психологического плана). Между тем намного меньше уделяется внимания освещению деятельности А.И. Деникина в армии царской России, в революционном 1917 году и в белой эмиграции [2; 48-49].

Исследование же историографических источников, имеющих отношение к рецензируемой монографии и увидевших свет в начале XXI века, привело Г.М. Ипполитова к ряду небезынтересных обобщений, изложенных в форме выявленных историографических тенденций:

1. Отражение в появившихся историографических источниках по рассматриваемой теме ситуации плюралистического многоголосия в методологии отечественной исторической науки.

2. Некоторое улучшение фундированности научных работ по рассматриваемой теме, в первую очередь архивными документами и материалами.

3. Неравномерное распределение приоритетов в освещении различных аспектов жизни и судьбы А.И. Деникина. Основное внимание (особенно в работах, в которых имеются фрагменты и сюжеты, освещающие некоторые аспекты генеральской деятельности) концентрируется на проблеме: А.И. Деникин – единоличный военный диктатор белого Юга России.

4. Дальнейшее развитие тенденции рассмотрения некоторых аспектов деятельности А.И. Деникина на уровне диссертационных исследований, в том числе и докторских [2; 79].

Много внимания в монографии уделено освещению истории изучения исторической персоналии генерала А.И. Деникина в зарубежной исторической науке [2; 82-131]. Историографию русского зарубежья, имеющую отношение к проблеме своего историографического исследования, автор разделил на белоэмигрантскую и «пограничную» историографию. Под *белоэмигрантской историографией* он подразумевает литературу по проблемам революции, Гражданской войны, Белого движения, белой эмиграции, изданную в русском зарубежье в 1920-е – 1940-е годы, в которой нашла отражение в том числе и историческая персоналия генерала А.И. Деникина. Ясно, что не всех авторов таких работ можно отнести именно к белоэмигрантам. Но с учетом предмета их научного интереса, думается,

здесь применима дефиниция «белоэмигрантская историография», полагает ученый. Под «пограничной» историографией автор рецензируемого историографического исследования имеет в виду изданные после Второй мировой войны в русском зарубежье работы участников Белого движения или их потомков. Их можно отнести и к белоэмигрантской историографии (поэтому исследователь называет эту историографию «пограничной»). Но они издавались в 60-90-х гг. XX в., когда белая эмиграция фактически растворилась в более широкой общности – русском зарубежье. Такую литературу можно отнести и к собственно зарубежной. Следовательно, по мнению, Г.М. Ипполитова, есть основания для предложенной дефиниции [2; 88]. Понятно, что здесь дискуссионная классификация. Может быть, в чем-то и уязвимая для критики. Но, с точки зрения рецензента, в оригинальности (подчеркнем, именно в оригинальности, а не в оригинальничании) ученому здесь не откажешь. Анализ истории изучения жизни и судьбы генерала А.И. Деникина в рамках историографии русского зарубежья позволил автору рецензируемого историографического исследования выявить основные историографические тенденции ее развития:

1. Персонифицированный подход к личности и деятельности генерала в 1917-1920 гг. Переход от работ мемуарного и очеркового характера к исследовательским трудам. Введение в научный оборот уникальных документов. Множество разночтений, полярные оценки одних и тех же явлений и событий в жизни и деятельности белого вождя, порожденные политической конъюнктурой, а также и плюрализмом мнений, отсутствием идеологического диктата над авторами. В таких трудах имеются небольшие биографические фрагменты и сюжеты, вкрапленные в освещение деятельности А.И. Деникина в годы российской революции и Гражданской войны.

2. Появление в «пограничной историографии» крупных биографических трудов об Антоне Ивановиче, освещающих его личность и судьбу на протяжении всего генеральского земного бытия.

3. Отсутствие комплексных, обобщающих научных трудов, посвященных исторической персоналии Деникина по-целевому [2; 109].

Анализ же собственно зарубежной историографии рассматриваемой проблемы (преимущественно англоязычных авторов) ученый заканчивает синтезированием следующих основных историографических тенденций:

1. Она развивалась в условиях относительной творческой свободы, так как не было идеологического диктата государства. Будучи в жесткой конфронтации с советской историографией, собственно зарубежная историография

одновременно тесно взаимодействовала с белоэмигрантской историографией, в том числе и по рассматриваемой проблеме.

2. Персонифицированные исследования деятельности А.И. Деникина в годы революции и Гражданской войны в России, в которых много внимания уделялось проблеме психологического облика вождя Белого движения.

3. Появление после Второй мировой войны монографий, статей и трудов обобщающего характера, что свидетельствует о повышении интереса к проблеме исследования.

4. Наличие наряду с глубоко аргументированными трудами работ компилятивного характера, где налицо поверхностные обобщения, заимствования из ранее вышедших трудов.

5. Более глубокое исследование личности и судьбы генерала в годы российской революции и Гражданской войны (по сравнению с советской историографией).

6. Эпизодический и небольшой исследовательский интерес к освещению политической деятельности А.И. Деникина в белой эмиграции, а также и его службе в армии царской России.

7. Отсутствие комплексных научных работ по исследуемой теме [2; 128-129].

Относительно характеристики источниковой базы исследования рассматриваемой проблемы можно констатировать, что она отличается относительной объемностью (насколько позволяет общий объем монографии), информативностью и обобщающими суждениями [2; 131-224]. По оценке Г.М. Ипполитова, данная характеристика вписывается в архитектуру монографии несколько обособленно. Но автор это обосновывает так: «Думается, нет необходимости доказывать доказанное: *в историографическом исследовании всегда поднимаются источниковедческие аспекты (в том или ином ракурсе)*» [2; 231]. Вряд ли здесь что-то можно добавить.

Охарактеризованы архивные документы и материалы; опубликованные документы (документы Белого движения и белой эмиграции, опубликованные в различных изданиях; документы советских органов государственной власти и управления, опубликованные в различных изданиях); труды крупных отечественных и зарубежных государственных, политических, военных, научных, общественных деятелей; эгоистичники (мемуарная литература, дневники, эпистолярии); периодическая печать; научно-справочные и библиографические издания; различные дополнительные (учебные пособия и учебники, изданные в вузах России, дающие общие представления об исследуемой теме; научно-исследовательская литература, а также и защищенные диссертации, в которых вводятся в

научный оборот некоторые документы; художественная литература) и специфические (информационные ресурсы всемирной компьютерной «паутины» Интернет (World Wide Web / WWW/) источники.

Небезынтересны, к примеру, статистические подсчеты Г. М. Ипполитова, имеющие отношение к видовой характеристике архивных документов и материалов, в которых нашли отражение те или иные аспекты личности и судьбы А.И. Деникина (документы и материалы текущего делопроизводства; материалы личного происхождения; разнообразные разрозненные материалы, сосредоточенные в некоторых коллекционных фондах). В количественном отношении они распределились примерно следующим образом: приказы, директивы, донесения, телеграммы, обзоры, отношения, другие военно-служебные документы – 33%; политические документы – 21%; мемуары, дневники, неопубликованные, очерки, статьи, книги, подготовительные материалы к ним, эпистолярные, маргиналии, всевозможные резолюции на различных документах – 29%; вырезки из газет, журналов, периодические издания, хранящиеся в архивах целиком, – 11%; прочие – 6% [2; 141].

Не вызывает здесь сомнений итоговое обобщение ученого: источниковая база исследования исторической персоналии А.И. Деникина обширна и разнообразна. Она вполне репрезентативна. Ее особенность – наличие большого количества документов, которые были в советский период засекреченными. Не будет преувеличением сказать, что «архивный массив документов и материалов по рассматриваемой проблеме представляет предмет самостоятельного источниковедческого исследования, а также соответствующей археографической обработки» [2; 223]

Аналитические материалы рецензируемого историографического исследования позволили его автору извлечь главный урок, суть которого сводится к следующему: для исторической науки неприемлемы апологетический и негативистский подходы к оценке исторических персоналий. Особенно тех, кто попал вместе со страной в цивилизационный разлом. Их деяния необходимо взвешивать на основе принципов объективности, историзма, компаративизма. Но для этого историческая наука должна быть свободной от диктата власти, поскольку не имеет права слепо следовать за политикой. В противном случае на развитие историографии, особенно на ее оценочные положения о личности и судьбе исторических деятелей, станет крайне отрицательно влиять субъективизм политического руководства страны. И ни о каком другом главном критерии, кроме как истинность исто-

рических знаний, в таком случае речи быть не может. Причем все изложенное выше характерно вне зависимости от политического режима, господствующего в государстве в тот или иной отрезок исторического пространства и времени. Правда, здесь же ученый отмечает, что все это не так просто осуществить, ибо политическая конъюнктура, идеологизация и политизация в исторической науке будут иметь место всегда, вне зависимости от смены цивилизационной парадигмы, формы государственного устройства. «При любом политическом режиме найдутся недобросовестные историки, пишущие в угоду власти имущим, по принципу «чего изволите, кушать подано», и получающие за это «по списку музы свой паек» (причем неплохой)» [2; 231].

Ясно, что можно отнести к подобному уроку с долей скепсиса, упрекнуть его автора в излишней категоричности. Но все-таки есть здесь рациональное зерно. Особенно в той части, что сегодня не перевелись деятели, околачивающиеся около науки истории и стригущие немалые дивиденды на конъюнктурных, зачастую лженаучных спекуляциях (их очень много размещено сегодня на просторах киберпространства в Интернете). Именно к таким деятелям Г.М. Ипполитов в своей монографии беспощаден. Он, например, развенчивает, причем с большой долей сарказма, новые мифы и легенды о А.И. Деникине, рожденные современными российскими публицистами [2; 46-47]. Ученый четко сформулировал обобщающее суждение о подобных материалах: «Красиво и... бездоказательно. Воистину, киберпространство все стерпит [2; 49].

К неординарным чертам рецензируемого историографического исследования исторической персоналии генерала А.И. Деникина следует отнести умение его автора вкрапливать в строгий научный текст небольшие фрагменты, изложенные образным языком с элементами публицистики. Например, приводя научные рассуждения о кризисе исторической науки после распада СССР, Г.М. Ипполитов вкрапляет такой фрагмент: «Цех служителей музы Клио после распада СССР напоминал музыкантов оркестра, потерявших ноты незадолго до выхода на сцену: от марксизма-ленинизма как универсальной методологии исторических исследований, в той или иной форме, отреклись, а взамен ничего путного не изобрели. Типичная ситуация, когда с водой выплескивают ребенка... Ситуация, между тем, не новая в истории мировых цивилизаций. Она характерна для переломных эпох» [2; 17]. Понятно, что именно в историографическом исследовании (по сравнению с историческим) подобные авторские приемы требуют сдержанности, дозировки. И это ученому удалось.

Было бы удивительным, если подобные объемные научные труды не несли бы некоторых недоработок. По мнению рецензента, Георгий Михайлович уделил мало внимания анализу публицистики. Он ограничился замечанием о том, что публицисты создали свой образ генерала А.И. Деникина, сильно отретушировав его [2; 18]. Между тем некоторые публицистические изыскания заслуживают того, чтобы, хотя бы кратко, их осветить. Например, произведение замечательного советского спортсмена Ю.П. Власова «Огненный крест»⁷. В нем есть оригинальные фрагменты, имеющие отношение к личности Антона Ивановича Деникина.

Монография выиграла бы от того, если ее автор разместил бы (на правах приложения) стенограмму вечернего заседания Государственной думы 14 июня 2006 г., обсуждавшей проект Федерального закона «О реабилитации участников Белого движения», а не ограничился лишь ссылкой на интернет-ресурс, где она размещена. Тогда тезис исследователя о том, что трактовка личности и деятельности Антона Ивановича Деникина представляет сегодня далеко не только сугубо академический интерес (судя по анализу документа, указанного выше), стал бы еще доказательнее. А читатель, настроенный скептически, мог бы развеять свой скепсис, ознакомившись с этой стенограммой.

Думается, что теоретико-методологическое обоснование современных подходов, практикуемых в историографических исследованиях [1; 35-42], можно бы было сократить (особенно описание синергетического подхода), так как данный фрагмент несколько утяжеляет архитектуру монографии.

Конечно, подобные недостатки монографии не следует возводить в ранг несущих системный характер (по большому счету, они – продолжение достоинств данного историографического исследования). Научные результаты, полученные Г.М. Ипполитовым, можно классифицировать как достаточно весомые и убедительные. Думается, что современная отечественная историография пополнилась трудом, который, несмотря на его скромный тираж (500 экз.) и на то, что он издан в провинции, не пройдет не замеченным в научном сообществе России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Голдин В.И.* Гражданская война в России сквозь призму лет: историографические процессы: моногр. Мурманск, 2012. С.17.

² См., напр.: *Ипполитов Г.М.* Военная, политическая и общественная деятельность Антона Ивановича Деникина в 1890-1947 гг. Моногр. Вольск: ВВУТ, 1997. 331 с; *Он же.* Кто Вы, генерал А.И. Деникин? Монографическое исследование политической, военной и общественной деятельности А.И. Деникина в 1890-1947 гг. Второе изд., перераб. Самара: Изд-во «Самарский университет», 1999. 244 с. Кстати, в свое время эти монографии получили положительные рецензии в научной периодике (См., напр.: *Полторак С.Н.* Первый фундаментальный труд о А.И. Деникине (рец. на монографию Г.М. Ипполитова «Военная, политическая и общественная деятельность Антона Ивановича Деникина в 1890-1947 гг.». Вольск: Изд-во ВВУТ, 1997. 331с.) // Клио. Межвуз. журнал для ученых. 1998. №2 (5). С.303-305), а также и в историографических статьях (см., напр.: *Полторак С.Н.* О некоторых тенденциях в изучении истории гражданской войны в России и деятельности РККА в так называемый межвоенный период // Там же. 1999. №2 (8). С.335-339).

³ См.: *Ипполитов Г.М.* Деникин (Жизнь замечательных людей; Сер. биографий; Вып.1090). Второе изд., испр. и доп. М.: Молодая гвардия, 2006. 665 с.

⁴ Здесь и далее в квадратных скобках первой цифрой обозначается номер тома рецензируемого научного труда, а после точки с запятой – страницы. – *Примеч. рецензента.*

⁵ См.: Письма Марины Грей, дочери генерала А.И. Деникина, профессору Г.М. Ипполитову «С Россией и ее историей остаюсь тесно связана» (составл., коммент. Г.М. Ипполитова) // Клио. Журнал для ученых. 2008. №1 (40). С.20-25; Стенограмма беседы профессора Г.М. Ипполитова с Мариной Антоновной Деникиной (Грей). Документ публикуется впервые // Там же. 2010. №3(50). С.3-18.

⁶ См.: *Ефремов В.Я.* Деятельность властных структур по укреплению морального духа вооруженных сил Советского государства (1918-1991 гг.): историографическое исследование. Самара, 2007.

⁷ *Власов Ю.П.* Огненный крест. Историческая исповедь: роман: в 2-х ч. М., 1991-1992.

*Доктор исторических наук,
профессор кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин
Вольского военного института
материального обеспечения
В.Я. Ефремов*